

«Сифилитик»

Пришлось все-таки сдать «студень». Сначала хотел посеять – оставить на память. Не поверили. Не позволили: «Знаем мы вас: как только заканчивать – половина теряет студенческие. Поищи хорошенько – может, найдешь!» Поискал. В кармане. Внутреннем. Нашел. Отдал как последнюю сотню. А взамен получил диплом с неправильными отметками. Махнул, не глядя, маленькую красную корочку на большую синюю.

Не то чтобы ему было очень жаль изъятого документа. Он не был сентиментальным юношей. В конце концов, «студень» – это всего лишь картонка с фоткой и печатями. Фотка ужасная, а на печатях не распознать букв. Но «студень» – это, пожалуй, последнее, что еще связывало его с тем периодом в жизни, который называется студенчеством. Вернул билет – распрощался с беззаботной юностью.

Пять лет – невыносимо малая величина, пушинка на подоле вечности, как сказал бы какой-нибудь арабский мудрец. Вот учатся же медики семь или сколько там лет. Надо было на врача идти, там и девчонки прикольные в белых халатиках!

Но не на медицинский же ему сейчас ломиться! Раньше надо было думать, туда просто так не попадешь. Это не родной И-Эм-Пэ, Институт международного права. Тут готовиться надо. Или, может, снова у себя в институте на первый курс податься? Только на другой факультет, конечно. А что, было бы прикольно все обнулить, начать студенческую жизнь с чистого листа...

Только вот засада: в И-Эм-Пэ его знала каждая собака, начальник курса уже года два с ним не здоровался, старушки-гардеробщицы за глаза именовали его «вонючим быдлом», а преподаватель арабского по-

сле госэкзамена даже вклеил ему пощечину. Поэтому двери заведения, который он только что довольно бесславно окончил, были открыты для него лишь на платной основе. Идти же в другой вуз не было ни сил, ни желания: приемная комиссия, медкомиссия, мандатная комиссия... Бюрократия!

Повстречал в институте очкарика Лапидуса – поступает в аспирантуру. И ему посоветовал. Спросил Лапидуса: зачем?

– Как зачем? – изумился очкарик. – Во-первых, общагу дают. Если договоришься, один в комнате будешь жить. Во-вторых, от армии закосить можно. Но, самое главное, пока работу нормальную не нашел, несколько лет перекантоваться можно. Стипендия, правда, небольшая. Но если научрук нормальный, с голоду умереть не даст.

Аспирантура? Почему бы и нет? Он вспомнил свою покойную бабку. Уже будучи на смертном одре, Алина Юрьевна больно, до синяков, цапнула его за руку и прокричала в самое ухо: «Пиши диссертацию, Володька, сукин сын!», после чего с довольной усмешкой испустила дух.

Он так и не понял тогда, почему в такой ответственный момент бабка думала о столь приземленных вещах. Куда больше его смущало то, что завет Алины Юрьевны был адресован какому-то сукину сыну Володьке, а не ему, у которого даже друга с таким именем не водилось. Казалось, он накрепко забыл о том случае, а вот нет: вспомнил, едва только Лапидус заговорил об аспирантуре. Кажется, самое время уважить покойную, которая отдала последние пятнадцать лет своей жизни воспитанию непокорного внука.

В тот же день отыскал отдел аспирантуры. Простоял, как дурак, полчаса, но никто не появился. На двери обнаружил список документов для поступления.

На следующий день чудом застал начальницу аспирантуры Раису Яковлевну. С издевкой поинтересовалась, на какую кафедру собирается поступать. Задумался. Куда? Какие там у нас кафедры? Международного права? Нет уж, сорри! Что еще? Можно подумать? Думать, но не затягивать. Окей, и на том спасибо. Когда можно зайти? После разговора с завкафедрой? Какой кафедры? Решать самому?

Два дня пил пиво и выдумывал, какую кафедру предпочесть. А было их всего шесть: международного, конституционного, уголовного, административного, предпринимательского и европейского. Кафедра прав ребенка – не в счет. Да и не кафедра это вовсе.

Международное право по известным ему одному причинам отпало сразу. Он и соваться туда не стал. На других кафедрах был один и тот же разговор.

– Ну, где же вы раньше были?.. Хорошо, какая у вас тема?.. Извините, но эта проблематика нам не очень интересна. У нас другой профиль... Вам лучше к Ивану Ивановичу на кафедру...

Иван Иванович как раз и возглавлял ту самую странную кафедру прав ребенка, на которой не то что аспирантов – преподавателей никаких не имелось. Кроме, конечно же, самого Ивана Ивановича, за которым был записан один курс по правам ребенка, но который он фактически не вел, поскольку большую часть времени проводил в командировках, преимущественно зарубежных. Поэтому, если кто-то в институте говорил «послать к Ивану Ивановичу», это означало на местном диалекте эзопова языка отправить человека туда, куда Макар телят не гонял.

Сам Иван Иванович подобно известному римскому божеству обладал всего двумя состояниями: он либо находился в командировке, либо готовился к ней. В первом случае, по рассказам немногочисленных счастливых свидетелей, Иван Иванович был в превосходном настроении, во втором же – сильно нервничал и мог даже накричать на подвернувшегося под горячую руку студента.

Когда в дверь кафедры прав ребенка раздался негромкий стук, Иван Иванович как раз пребывал во втором своем состоянии. Он мерил шагами линолеум, бормотал какие-то приказания, визжал на секретаршу и заливался сатанинским смехом, когда ему звонило начальство Черный в полоску костюм делал сорокалетнего, не успевшего еще полысеть и поседеть заведующего кафедрой несколько стройнее и моложе.

Обнаружив неизвестного ему человека с виноватой физиономией, он уже собирался вытолкать его за дверь, как вдруг услышал два слова: «аспирантура» и «диссертация». Слова эти с недавних пор имели для Ивана Ивановича волшебное значение. Во время одной из зарубежных поездок, на одной из конференций, слушая одного заслуженного ученого – профессора и доктора наук, с трудом (по причине болезни) выговаривавшего слова и буквы, – Иван Иванович подумал: «А не сделать ли мне диссер?.. Столько материала зря пропадает!» (Иван Иванович то ли из страха, то ли из уважения, то ли по какой-то другой причине никогда не произносил слово «диссертация» полностью.)

Вот только проблема: Иван Иванович с трудом выражал свои мысли, особенно на бумаге. Что оставалось делать? Нанять какого-нибудь студентика, как в прошлый раз, с кандидатской? Но кандидатская – не докторская. Студенту такая работка не по зубам. Вот, аспирантику – может быть. И Иван Иванович стал осторожно приглядываться к обретавшимся на факультете аспирантам. Зайдет, бывало, на другую кафедру – вроде как чай с сушками покушать, с коллегами новости обсудить, а заодно и выведать про аспирантиков.

Дело было щекотливое. Иван Иванович по вполне понятным причинам боялся, что кто-нибудь случайно или умышленно раскроет его замысел. Но уж очень хотелось ему стать доктором наук. Не важно каких, но лучше – юридических. Все-таки как ни крути, а доктор юридических наук – это звучит гордо!

Иван Иванович внимательно посмотрел на аспиранта, отчего-то хлюпавшего носом.

«Сифилитик», – без злобы подумал завкафедрой.

Грязные черные волосы, не то чтобы длинные, но и нельзя сказать, что короткие. Большие карие, с красными белками глаза. Под небольшим носом что-то наподобие усов, какие носили продавцы порнографической продукции в пригородных электричках лет десять назад. Худое, нескладное, наверняка не имевшее особого успеха у женщин тело в дешевой, давно не стиранной толстовке. Брюки без стрелок – судя по всему, дежурные. Ботинки на выброс, запылившиеся, со шнурками без металлических наконечников.

«Пожалуй, этот может подойти. Судя по всему, ему очень хочется в аспирантуру и у него совсем нет денег», – предположил про себя Иван Иванович, а вслух сказал:

– А что, голубчик, публикации у вас имеются? (Иван Иванович всех, кто был ниже его по социальной лестнице, именовал голубчиками.)

– Есть. То есть я хотел сказать, что они в печати, – заволновался «сифилитик». Это очкарик Лapidус, не видевший в нем конкурента, надоумил его отвечать подобным образом на вопрос о публикациях.

– Сколько статей? Или, может быть, монографий? – осторожно, но с умыслом пошутил Иван Иванович.

– Одна статья, но я сейчас заканчиваю другую, – соврал «сифилитик».

– На какую тему? – благодушно поверил Иван Иванович.

– По правам ребенка...

– Права ребенка... Неплохо. Это наш профиль, – произнес заветную фразу Иван Иванович, но, вспомнив, что ему через час надлежит ехать в аэропорт, вновь зашагал от одной стены к другой, немного наклонив вперед верхнюю часть тела.

– Знаете что, голубчик, вот вам моя визитка. Позвоните через неделю – я сейчас улетаю на Игуасу. Я буду иметь вас в своих планах... да, и для убедительности, так сказать, бросьте мне на электронную почту свою статью. Посмотрю, на что вы способны.

В тот же вечер на почту Ивану Ивановичу пришла статья, по всем законам жанра похищенная из интернета и в некотором смысле творчески переработанная до необходимой неузнаваемости. Еще через неделю Иван Иванович приказал секретарше распечатать присланный текст. Но так как у него совсем не было времени, а на следующей неделе его ждал Нью-Йорк, он успел осилить только название статьи и первые две строчки.

Так у Ивана Ивановича появился первый аспирант...

Иван Иванович был деловой человек. Если кто-то обращался к нему с просьбой или, упаси боже, мольбой о помощи, он неизменно задавал свой любимый вопрос: «А в чем мой интерес?» В случае с новым аспирантом Иван Иванович ни в коем случае не хотел отходить от своего золотого правила. Несмотря на плотный график, он вызвал к себе своего первого ученика.

Если бы кто-то из тех, кто мало знал Ивана Ивановича, увидел его в тот момент, он непременно решил бы, что перед ним совершенно другой человек. Этот вечно спешащий куда-то бесцеремонный рыжеволосый мужчина предстал перед аспирантом в образе обходительного джентльмена, гостеприимного хозяина и старого приятеля одновременно. Он любезно попросил секретаршу приготовить чаю, после чего закрылся со своим аспирантом в кабинете и попросил никого и ни под каким предлогом к нему не пускать. Даже наглого низкорослого студента-якута из Белгорода.

– Еще раз поздравляю вас с зачислением в аспирантуру, – Иван Иванович крепко пожал руку гостя.

– Но меня еще не зачислили...

– Это нюансы, формальности... Главное, что я беру вас.

Затем Иван Иванович замолчал и стал ждать, когда аспирант отхлебнет чаю, привезенного из Китая для особых случаев.

– Кстати, неплохо бы вина выпить, – в наигранной задумчивости произнес Иван Иванович. – Что думаете?

Аспирант сначала немного смутился, но потом согласился.

– Когда планируете начать работать над диссер... диссертацией? – пошел в атаку Иван Иванович после того, как аспирант отхлебнул из бокала.

– Так мы же... это... тему еще не согласовали...

– Ах, да... Так какая там у нас тема? – Иван Иванович вдруг закопшился в лежавших у него на столе бумагах.

– Я бы хотел писать про права ребенка.

– Ну, знаете ли, права ребенка – это слишком широко, – Иван Иванович оторвался от бумаг, мечтательно приоткрыл рот и вонзил палец в ухо.

– Понимаю, Иван Иванович. Может быть, вы мне что-то посоветуете?

Иван Иванович ликовал, что все идет по намеченному плану, но ради проформы пожурил аспиранта.

– Нельзя так, голубчик! Это вам не студенческие годы. Аспирантура требует серьезной и самостоятельной, подчеркиваю: самостоятельной работы! Вам же предстоит писать свою работу, а не мне, слава богу Вам и формулировать тему. Я же не знаю, что вам интересно. Я знаю, что интересно мне, – после последней своей фразы Иван Иванович вдруг замолчал, справедливо решив, что несколько увлекся.

– Может быть, я выберу права ребенка в России, – произнес аспирант, выдрессированный Лapidусом и немного осмелевший то ли от выпитого вина, то ли от чая для особых случаев.

– Права ребенка в России? Права ребенка – это, голубчик, банально. Столько уже по этой теме написано... Вам и не снилось, наверное. Не думаю, что вы сможете сказать что-то новое.

– Иван Иванович, а что, по-вашему, сейчас актуально?

– Ну, есть много интересных тем, – посмотрел в потолок Иван Иванович, словно там у него были намалеваны эти самые темы. – Например, права ребенка по мусульманскому праву.

Заметив, как перепугался его аспирант, Иван Иванович захохотал, как будто ему в тот момент позвонило начальство или попался на глаза наглый низкорослый студент из Белгорода.

– Не так страшен черт, как его малютка, – как говорят в народе. Не боги горшки обжигают! Вы меня спросили об актуальной теме – я вам ответил. Я тоже занимаюсь ей и смогу вам, так сказать, оказать посильную помощь.

Иван Иванович соврал. Темой этой он никогда не занимался и имел о ней такое же представление, какое имеет свежерожденный огородный крот об океанском прибое. На одной конференции, проходившей за рубежом, американский коллега сообщил ему, что данная тема после 11 сентября вызывает большой интерес и под нее легко можно получить грант, да не один! К тому же в этой проблематике мало кто смыслит, и если в диссертации будут допущены какие-то ошибки, то члены диссертационного совета могут их просто не заметить.

Так была сформулирована первая тема первой диссертации на кафедре прав ребенка...

Теперь Ивану Ивановичу оставалось всего лишь уговорить аспиранта написать за него докторскую. Легко сказать: всего лишь!

– Знаете, какой объем должен быть у диссертации? – спросил Иван Иванович, постукивая пальцами по столу.

– Сто пятьдесят страниц, кажется, – робко предположил будущий аспирант.

– Сто пятьдесят страниц – это, голубчик, идеал. Но поскольку, как показывает опыт, мало кто способен достичь этого самого идеала, то я вам настоятельно советую написать триста страниц... Можно, конечно, и больше. Но не меньше! А я уж потом сделаю из этого компота произведение искусства. Отделю, так сказать, зерна от плевел.

Иван Иванович знал, о чем говорил. Триста страниц составлял объем средней докторской диссертации. Сто пятьдесят страниц – кандидатской.

Аспирант понимающе кивнул головой. В тот момент он готов был согласиться даже на пятьсот, да что там... на целую тысячу страниц. Он был счастлив, что такой важный человек, как Иван Иванович, не только взял его, бездельника, в аспирантуру, но и предложил ему свою помощь. Жизнь продолжается! Спасибо Лапидусу. Бабуля, я тебя обожаю!

А дальше было то, что обычно происходит с теми несчастными аспирантами, чьи научные руководители зачем-то пишут докторскую диссертацию. В промежутках между командировками Иван Иванович вызывал своего аспиранта и требовал от него подробного отчета. Чай а тем более вино больше не предлагались. Аспирант приносил какие-то кусочки, фрагментики, из которых должен был прорасти большой серьезный текст. Иван Иванович просматривал их вполглаза и всякий раз недовольно бурчал: «Что это? Где же структура? Мысль теряется. Никакой концепции. Так, голубчик, нельзя. Да-а, много работы вы мне задали!» Аспирант смущенно, стараясь не быть заподозренным в черной неблагодарности и, упаси бог, в черном плагиате, вяло оправдывался. Ведь если бы не Иван Иванович, где бы он сейчас находился. В лучшем случае, служил бы сейчас Родине неизвестно где и неизвестно зачем!

Прошло три года. За это время разрозненные, сташенные из интернета и отсканированные из книг отрывки текста и кусочки мыслей слиплись с помощью аспирантского пота в один большой трехсотстраничный труд. Встречаясь каждый раз с аспирантом, Иван Иванович продолжал делать вид, что недоволен его работой, но тут же по-отечески успокаивал своего нерадивого ученика: ничего страшного, я сделаю из этого произведение искусства, дайте только срок, сами понимаете, защита докторской – не шутка!..

Наконец, в один из ничем не примечательных дней трудовой недели «диссер» Ивана Ивановича с блеском проскочил совет, получив одни белые шары. Проще говоря, Иван Иванович стал доктором.

На следующий день, не успев протрезветь после банкета, он уже дремал в самолете на пути в милый его сердцу Амстердам на очередную конференцию по правам ребенка. В кармане его черного пиджака в полосу, плотно обняв друг друга, покоились свежие визитки с надписью:

Ivan I. Bazhbanov
Institute of International Law
Head of Children Rights Department
Doctor of Sciences (in Law)
Doktor Yuridicheskikh Nauk

Напрасно неделю спустя аспирант Ивана Ивановича целый день кружил в ожидании возвращения своего научного руководителя вокруг кафедры, как пляшущий дервиш из ордена Мевлеви перед иностранными туристами. Только под вечер ему сообщили, что его шеф простудился в дороге и, возможно, появится только завтра. Послезавтра же Иван Иванович должен был лететь в Иерусалим участвовать в форуме по правам меньшинств.

Весь следующий день аспирант провел подле кафедры, опасаясь лишний раз отлучиться по нужде. Около пяти вечера на пороге кафедры появился загоревший Иван Иванович в белом плаще. Нервно пожав руку, дунул в лицо запахом незнакомой жвачки: «Привет! Как дела?» – и, не дождавшись ответа, побежал в свой кабинет.

У аспиранта задрожали губы.

– Иван Иванович! – закричал он вслед стремительно удалявшемуся доктору наук.

– Не сейчас, – махнул рукой Иван Иванович, – я буквально на пять минут. Завтра командировка! Разумеешь? Приходи через неделю, приноси, что ты там накатал.

Слово «накатал», на ходу брошенное Иваном Ивановичем, больно и стремительно ворвалось в оба аспирантских уха. После всего, что он сделал для своего шефа, говорить о его работе слово «накатал» показалось аспиранту верхом бесстыдства. Только сейчас он, освободившись от прилипшего к нему три года назад чувства благодарности к Ивану Ивановичу, осознал, что его использовали как самого последнего лоха. Он написал диссертацию, но не кандидатскую, а докторскую, и не для себя, а для человека, которому теперь не было до него никакого дела. Все эти мысли вдруг закрутились в голове аспиранта, но вместо всего этого он лишь пролепетал что-то типа: «Да как же это? Да я же...» Вид его в тот момент был до безобразия жалок. Нижняя губа его дрожала как у оскорбленного злыми мальчишками старика. Воспаленные глаза готовы были залиться слезами, но появление в тот момент в коридоре наглого низкорослого студента из Белгорода заставило аспиранта поспешно смахнуть пробившиеся на поверхность лица слезинки.

– На хрен эту диссертацию! Пошел он! Пусть только попросит меня о чем-нибудь, – бормотал аспирант, направляясь к автобусной остановке. Несколько раз он громко поклялся бросить все и никогда больше не заниматься этой проклятой диссертацией, но к концу недели, раздобрев от выпитого пива, он понял, что ему чего-то не хватает. Пытался смотреть телик, читать бесплатные газеты, но ощущение гармонии отчего-то не приходило – то радостное ощущение законченности, когда перед ним лежал готовый текст, когда к нему обращались за советом. За три года работы над диссертацией своего шефа он стал едва ли не лучшим в институте специалистом по мусульманскому праву. Даже студенты-кавказцы, смуглыми темпераментными кучками прописавшиеся на «Центре» – месте тусовок продвинутой молодежи института, – стали обращаться к нему за советом по вопросам шариата и уважительно именовали его «муаллим», что значит: учитель...

Накануне следующей встречи с Иваном Ивановичем он смастерил из докторской своего шефа недурственный текстишко, о котором на пятом курсе и мечтать не смел. Утром внимательно вымыл шею и надел чистую, подаренную матерью на 23 февраля рубашку.

На кафедре восседала чем-то недовольная секретарша с маленькими усиками под большими носорожьими ноздрями, надушенная какими-то подозрительно знакомыми духами.

«Еще немного, и меня перестанут сюда пускать», – подумал аспирант. К двенадцати обещал быть? Ну-ну. Два часа ждать, значит.

Сидя по-студенчески на батарее в коридоре, он принялся листать диссертацию. Он почти выучил этот текст наизусть. Но ему доставляло удовольствие открывать и перечитывать диссертацию. Не ту рыхлую трехсотстраничную толстую, которая ушла от него, не попрощавшись, к Ивану Ивановичу, а эту, вдвое меньше своей прародительницы, появившуюся на свет в результате непростой хирургической операции над текстом. Диссертация стала как бы продолжением его самого. Он уже наверняка не знал, где кончается он сам и начинается диссертация.

Позвонила Наташка Петрова.

– Встретиться вечером?... Можно попробовать... Я тоже... Конечно... А как же!.. Созвонимся... Обязательно... Пока...

12.10. На кафедре никого. Кроме секретарши. Но она не в счет. Пома-
ячил, помозолил глаза, и усатая призналась, что Иван Иванович только
что позвонил и сообщил, что сегодня не придет.

– Да вы что! А можно ему куда-нибудь позвонить? Это очень, очень
срочно. Пожалуйста, я вас умоляю!

Сжалилась. Соединила.

– Иван Иванович, здравствуйте, это ваш аспирант.

– У тебя что-то срочное? Я сейчас занят. Приходи завтра! – после
того как он стал доктором, Иван Иванович обращался к своему аспи-
ранту на «ты» вместо прежнего «вы».

– Я хотел сказать, что у меня все готово. Может, я оставлю вам текст
на вах... тьфу, на кафедре, у секретарши.

– Не секретарши, а секретаря, – сурово вмешалась секретарша.

– Простите у секретар... я, – исправился аспирант.

– Какой еще текст? – настороженно спросил Иван Иванович.

– Диссертации.

– Какой диссертации?! – окончательно перепугался Иван Иванович.

– Моей...

– Ах, твоей! – с облегчением вздохнул Иван Иванович. – Куда ты
спешишь, голубчик? Вся жизнь у тебя впереди. Вот встретимся на ка-
федре и поговорим.

– Когда?

– Лови меня...

Конец связи.

По взгляду секретарши, которая оказалась никакой не секретар-
шей, а секретарем (не зря ему эти усы сразу не понравились!), он
уяснил, что ловить своего шефа ему отныне придется вне стен кафе-
дры. Напоследок усатая накарякала на бумажке номер телефона Ива-
на Ивановича.

– Вот, звоните.

Сделала она это, конечно, не по доброте души, а чтобы поменьше
видеть аспиранта. Сам аспирант об этом, конечно, сразу догадался,
но виду не подал и секретаршу поблагодарил. Как потом оказалось,
зря. Сколько ни звонил он неуловимому Ивану Ивановичу, его телефон
либо не отвечал, либо из него доносилось такое грубое и короткое «да»,
что говорить о диссертации представлялось вещью безрассудной.

Прошел месяц. Студенты уже успели сдать сессию, институт опу-
стел, а Иван Иванович так и не прочитал диссертацию. В последний
день перед началом каникул он сжалился и, призвав к себе аспиранта,
задал вопрос: «Ну, что у тебя там, голубчик?»

«Голубчик» достал из рюкзака давным-давно распечатанный текст.

– Впереди у нас два месяца, я не спеша почитаю, а в сентябре, даст
бог, встретимся и поговорим.

1 сентября отдохнувший, с остатками загара на его и без того сму-
глом теле аспирант, узнал, что Иван Иванович в командировке и вер-
нется через полторы недели. Секретарша, радикально поправившаяся,
показалась ему добрее, чем в прошлый раз.

Веселым и дружелюбным показался ему и Иван Иванович, пробе-
жавший полторы недели спустя мимо него в белом плаще и шляпе с
коричневым кожаным портфелем в того же цвета руке.

– Иван Иванович!

– Привет! Как дела? – Иван Иванович вяло пожал руку аспиранта и тут же поспешно одернул свою.

– Я к вам...

– Что у тебя?

– По поводу диссертации...

– Какой диссертации?! – Иван Иванович даже прекратил движение и повернулся всем своим туловищем в сторону аспиранта.

– Ну как же... Моей...

– Ах, да... Приноси, что написал, я посмотрю. Но не сейчас... Я только что вернулся. У нас юбилей ректора на носу. Готовиться надо. Разумеешь?

Аспирант почему-то посмотрел на нос Ивана Ивановича. Но не обнаружил там ничего нового, кроме небольшой бородавки, которую и прежде много раз видел. Затем он поглядел в глаза своему научному руководителю. Глаза были беспокойны. Аспирант знал, что так всегда бывает перед командировкой.

– Так я же вам перед каникулами... перед самыми каникулами отдал! – с надрывом крикнул аспирант.

Иван Иванович на секунду призадумался.

– Слушай, у меня летом на даче пожар был. Наверное, твоя диссертация вместе с другими моими бумагами сгорела. У тебя черновик хоть остался?

У аспиранта, не склонного к сентиментальности, после такого вопроса выступили на глазах слезы. И не потому, что у него не было черновика...

Неделю он пил пиво и валялся, как искалеченный пес в общаге. Ближе к выходным позвал Наташку Петрову и так отделал ее, что она еле ноги унесла и больше никогда не звонила и не отвечала на звонки и сообщения.

В понедельник, окончательно раздавленный, он, проклиная себя за малодушие, набрал номер Ивана Ивановича. Тот прокричал, что он сейчас в Нью-Йорке, «на Генеральной ассамблее», на прощание почему-то сказал «салам алейкум» и отключил трубку.

Пришлось ползти на кафедру на поклон к усатой секретарше. Она сообщила нерадостную весть: Иван Иванович должен был прилететь только через неделю. Несколько раз улыбнувшись секретарше и презентовав ей коробку конфет «Коркунов», аспирант получил разрешение оставить на кафедре для Ивана Ивановича экземпляр диссертации.

Когда же теперь прийти? Через неделю? Значит, он приезжает числа восемнадцатого. В институт он придет числа девятнадцатого. Работу посмотрит... За сколько же он посмотрит работу? Как минимум за месяц. Лapidус, уже успевший к тому времени «остепениться», советовал ему не дергать по мелочам своего шефа, добавив шепотом: «ОНИ этого не любят!»

Аспирант решил отпустить своему руководителю на все про все месяц с небольшим: до середины октября, а потом напомнить, что у него кончается аспирантура, и его могут изгнать из общежития.

Все это время он лежал на кровати в общаге, смотрел телик, пил пиво и иногда почитывал книжки. Примерно в середине октября у него случилось отравление: съел шаурму на Киевском вокзале, пока встречал родителей. Дня два он валялся в беспамятстве. Не было сил допо-

лзти до туалета. Ведро, с помощью которого он по большим праздникам мыл пол, очень пригодилось.

Когда он пришел в себя, первое, что сделал, – позвонил научному руководителю.

– Иван Иванович?

– Кто это?

Вот так вопрос. Он проглотил слюну.

– Ваш аспирант. Я оставлял вам диссертацию на кафедре...

– Ах, да! Я получил, но пока не читал. У меня сейчас с глазами проблема. Собираюсь операцию делать. Позвони или заходи через пару месяцев.

– Но... Иван Иванович, у меня же срок в аспирантуре заканчивается!

– Когда?

– Через месяц.

– Ничего страшного. Совет все равно примет твою диссертацию к рассмотрению. Не переживай.

– Но меня из общежития могут выгнать!

– Кто?

– Директор общаги...

– А ты в общежитии живешь?.. Хорошо, я подумаю. Ладно, давай, заходи, если будешь в институте...

Дня через три, а может быть, и через два аспирант явился на кафедру. Перед тем как войти, предупредительно постучал. Затем осторожно просунулся в дверь. Первое, что он увидел, была крепкая спина Ивана Ивановича, произносившего какую-то речь. За столом, на котором обычно безо всякого порядка валялись никого не интересовавшие издания по правам ребенка, сидели гости. Много гостей. Много еды. Все веселы. Смеются. Никто поначалу не заметил, как он вошел.

– Привет, ты ко мне? – Иван Иванович обернулся и с бокалом в руке быстро зашагал навстречу нежданному гостю.

– Да я...

– Слушай, я пока не читал. С глазами какая-то фигня. Я думаю, через месяц все будет нормально.

– Иван Иванович, а вы говорили, что можно будет насчет общежития вопрос решить...

– Какого общежития?

– Ну, моего. У меня скоро срок аспирантуры заканчивается.

– Ах, да! Я узнавал. Мне сказали, что в этом году еще даже не всех студентов расселили. Так что извини. Кстати, хочу тебя порадовать. Ты у меня теперь не один. В этом году еще один парень поступил. Толковый.

Вместо того чтобы удалиться, аспирант продолжал стоять.

– А у вас сегодня день рождения? – не зная, что еще сказать, спросил аспирант.

– Лучше, гораздо лучше, голубчик! – оживился Иван Иванович. – Сегодня мне из ВАКа докторский диплом. Вот обмываем. Так что это в каком-то смысле наш с тобой праздник. Разумеешь? Кстати, хочешь выпить? Сейчас я тебе налью...

– Нет, нет, спасибо. Я лучше потом, за свой диплом выпью, – сказал аспирант и, не попрощавшись, покинул кафедру.

«Завидует, сифилитик», – подумал Иван Иванович и, слегка поморщившись, осушил бокал...

Шахид

Стараясь не подглядывать в бумажку, аспирант, который отныне всеми окружающими именовался диссертантом, начал свое выступление. Однако никто из сидевших за столом пожилых людей, казалось, не слушал его. Один болезненного вида профессор уже минуты две, не выдавая эмоций, высасывал содержимое шоколадной конфеты. Двое других ели фрукты и что-то обсуждали горячим шепотом. Еще один немолодой мужчина, терзаемый изжогой, упрямо глотал колу, также стоявшую на столе, и напряженно глядел в давно немытое окно. Единственная в этом коллективе женщина демонстративно чистила ногти зубочисткой, которой до этого взяла с подноса, стоявшего перед ней, сочную сливу. Но попробовать сливу ей так и не удалось: фрукт укатился под стол на полпути к ее рту. Всего же за столом находилось пятнадцать человек.

Весенняя, почти летняя погода расслабляла. Диссертант говорил тихо, но уверенно, местами даже весело, как ему самому казалось. Как будто не было вышвырнутых в мусорную корзину пяти лет жизни, изнуряющего ожидания, глупых вопросов, унижительных шуток Ивана Ивановича, презрительных взглядов секретарши и надменного студента из Белгорода. Диссертант говорил так, как будто все, что он делал последние пять лет, не только не расходилось с его планами, а, напротив, превзошло все его ожидания.

Глядя на него, сложно было предположить, что всего каких-то три месяца назад он, в надетой наизнанку грязной футболке, лежал пьяный на полу и громко рыдал. Этот маленький, не имевший никаких амбиций человек, которого по определению невозможно было обидеть, валялся на полу и выл как ребенок, чьи права он изучал.

Все необходимые приготовления к защите он производил четко и спокойно, не чувствуя при этом ни обычного в таких случаях радостного возбуждения, ни гордости, что наконец вышел на финишную прямую. Накануне защиты он плотно поел и отправился спать раньше обычного, чтобы на следующий день лучше соображать и сохранять уверенность. Он даже не сообщил родителям о дате защите. Поглаженный им самим костюм бесстрастно ждал наступления утра на вешалке...

Защита была назначена на час дня. Встал он в пол-одиннадцатого. Поел, как обычно, пельменей. Выпил чая с сушками. По дороге в институт купил цветы, чтобы поставить на стол перед председателем совета. Приехал за час до защиты: добрый, вежливый, спокойный.

В коридоре встретил вечно пьяного профессора Шайтанова. Однако в этот раз ему показалось, что Шайтанов был пьян сильнее обычного. Всегда дружелюбный и приветливый, профессор, нос к носу столкнувшись в коридоре с аспирантом, даже не поздоровался с ним.

«Странно, – подумал аспирант. – Может, у него что-то болит?»

До последнего мгновения он опасался, что не наберется кворум, то есть такое количество членов диссертационного совета, которое позволило бы считать заседание действительным. Каждый вяло вливавшийся в зал ученый вызывал у него радость. Один, два, три... Нужно было шестнадцать, включая тех, что числились в явочных листах. Шайтанов с красной мордой. Четыре. Не помню, как зовут этого деда... Пять. Вот еще двое. Шесть, семь. Супер!..

Итого набралось пятнадцать, а с явочным листом семнадцать, то есть на одного больше, чем нужно. В их числе – предписанные прави-

лами два доктора наук по его специальности. Теперь дело за малым – защититься. А потом... Он не думал, не хотел думать, что будет потом.

Отсутствие на защите научного руководителя больше не пугало его. Когда Иван Иванович сообщил ему на бегу в коридоре несколько дней назад, что не сможет присутствовать на защите из-за предстоявшей важной командировки в Рио-де-Жанейро, посвященной проблеме сексуальной эксплуатации детей, он поначалу не поверил свои ушам.

– Как же это... Вы же... – беспомощно запищал он.

– К сожалению, я не могу перенести свою поездку. Это очень важно ректор не смог поехать и попросил меня. Но ты не беспокойся, я узнал мое присутствие не обязательно.

– Но я...

– Не волнуйся. Я поговорю насчет тебя. Ты только это... подготовься нормально. Банкет организуй как следует. Разумеешь?

Иван Иванович легонько потрепал аспиранта по плечу, пожелал ни пуха и удалился с мыслью о командировке. Аспирант присел на батарею. Он произнес несколько крепких слов в ту сторону, куда удалился Иван Иванович. Не слишком громко, но и не то что бы совсем тихо. Пока он занимался бумажными делами, сопутствующими подготовке к защите, он забыл о том, что такое Иван Иванович. А Иван Иванович был человеком, живущим в самолете.

«Хотя... может, так даже лучше будет, – подумал аспирант. – В самом деле, какой от него толк? Он же ни хрена не знает – только испортит все... Мудак...»

И он перестал думать об Иване Ивановиче...

То, что его выступление никто не слушал, сначала пугало, а потом даже обрадовало. Появилась какая-то уверенность. Раз не слушают – значит, и допрашивать не особо будут. Судя по их физиономиям, многие из них впервые видят автореферат.

Закончив свое тихое, но уверенное выступление, диссертант сел за отведенный ему маленький столик за спиной председателя диссертационного совета – сухопарого старика-ветерана со строгим лицом и биоэлектрическими протезами «Страдивари» вместо обеих рук. Это название знали все студенты: до войны председатель совета, звавшийся мальчиком Лешей, обучался скрипичной игре. Его мечтой было сыграть на скрипке, сделанной Страдивари. Хотя бы один раз. Но война планы эти сначала отодвинула на неопределенное время, а в 1943 г. заставила о них забыть. Рядовой Алексей Никулин потерял обе кисти рук во время Курского сражения. И вот несколько лет назад внучка подарила ему новые протезы с музыкальным именем, напоминавшим ему об умершей мечте...

Как только диссертант занял свое место, вся масса до этого казавшихся безразличными пожилых людей неожиданно пришла в движение и принялась осыпать его вопросами, большинство которых не имело никакого отношения к его диссертации.

Но порядок есть порядок, и диссертанту ничего не оставалось, как терпеливо отвечать на все, о чем его спрашивали. Председатель совета уже поглядывал на часы, намереваясь перейти к следующей части заседания, как вдруг слова попросил профессор Шайтанов. Во время выступления диссертанта он, с прищуром склонившись над авторефератом, усиленно работал карандашом. Профессор Шайтанов был, пожалуй, единственным участником совета, за исключением председателя, кто не отвлекался на разговоры со своими соседями по столу.

– С любопытством, – начал Шайтанов, – я только что прочитал автореферат, который вы почему-то мне не отослали. Впрочем, пусть это останется на вашей совести!.. Так вот, значит... у меня возникли некоторые соображения. Вот вы тут на странице... секунду... странице семь утверждаете, что мусульманское право достаточно подробно регулирует права ребенка и потому вполне может быть использовано для регулирования прав детей и их защиты не только в мусульманских, но и других странах. Что вы хотели этим сказать?

– Спасибо за вопрос, Лука Андреевич, – отвечал аспирант. – Но сначала хотел бы прокомментировать ваше высказывание по поводу автореферата. Я лично занимался рассылкой и прекрасно помню, как отправлял вам автореферат. Может быть, у вас поменялся адрес?..

– Нет, адрес я пока, слава Аллаху, не поменял, – произнес непослушным языком Шайтанов, после чего поднялся с места и, подняв указательный палец к потолку и вращая глазами, добавил: – И не собираюсь!

– Странно, может, тогда проблемы с почтой. Что касается вашего вопроса. Вы, вероятно, имеете в виду тезисы, выносимые на защиту?

– Они самые, молодой человек.

– Изучая нормы мусульманского права, я пришел к выводу, что оно в определенных аспектах даже в большей степени, чем действующее международное право, защищает права ребенка. Поэтому наработанные мусульманско-правовой доктриной механизмы защиты прав ребенка вполне могут быть использованы в современном международном праве.

– То есть, вы, молодой человек, утверждаете, что международное право без шариата является неполноценным, – подхватил Шайтанов.

– Я этого не утверждаю, Лука Андреевич, – отвечал диссертант, убоившись такого серьезного обвинения, – я просто хотел сказать, что на то оно и международное право, что должно учитывать не только достижения европейской цивилизации, но и других цивилизаций. Семейные ценности на Западе находятся под угрозой...

– Пардон, – уже почти вскричал Шайтанов, – но что вы прикажете делать, если только европейская цивилизация смогла предложить человечеству адекватную и универсальную систему международного права?

– Ну, насчет универсальности, как видно (в том числе и из моей работы), есть определенные сомнения.

– Какие сомнения?! – взвился Шайтанов. – У кого? У вас? Или у бедуинов Аравийского полуострова?!

– Между прочим, те самые бедуины, о которых вы, Лука Андреевич, только что сказали, смогли существенно обогатить такую отрасль современного международного права, как гуманитарное право или право вооруженных конфликтов, – удивленный атакой Шайтанова, возразил диссертант. Теперь ему стоило опасаться не столько за судьбу бедуинов, сколько за свою собственную.

– Чем же это? – не отступал Шайтанов.

– В исламе еще в седьмом веке были сформулированы правила обращения с военнопленными. В то же время в Европе еще много столетий пленный не считался субъектом права.

– Где это? Покажите, пожалуйста, или приведите соответствующую суру! Ткните мне это место в Коране, – вскричал Шайтанов.

– К сожалению, я не помню на память, но я могу посмотреть.

– Я, с вашего позволения, вмешаюсь, – вступил в диалог председатель, – наша дискуссия немного вышла за рамки собственно предмета

исследования. Все-таки у нас пока еще светский вуз, а не медресе, и в данном случае ссылки на Коран вместо закона будут несколько неуместны. Тем более, что в работе диссертанта и без того немало подобных ссылок.

– Ну, зачем же вы так, Алексей Николаевич, – проблеял до этого никоим образом не заявлявший о себе старичок с красным морщинистым лицом и расплзшимся в районе лобовой части большим коричневым пятном. – Все зависит от целей, которые ставит перед собой выступающий. Мне кажется, что молодой человек поставил перед собой вполне конкретную цель: убедить нас в преимуществах одной из мировых религий, сиречь – ислама. Можно сказать, что это ему пока неплохо удается, – сказав это, старичок с красно-коричневым лицом нехорошо засмеялся.

– То есть вы, Марат Яковлевич, хотите сказать, – на каменном лице председателя появилась какая-то странная гримаса, которую никак нельзя было считать улыбкой, – что диссертант прибыл к нам как... проповедник, или даже эмиссар.

– Или шахид, – раздалось со стороны Шайтанова.

Старичок с красно-коричневым лицом, владевший старинным словом «сиречь», а вслед за ним и все остальные пришли в восторг. В возникшем гуле диссертант сумел расслышать только зловещее слово: «шахид».

– Ну, какой же он шахид, – произнес председатель, увидевший, что его шутка увела внимание совета в другую степь, – наш диссертант вполне, судя по внешнему виду, цивилизованный человек...

– А Бен Ладен, значит, по-вашему, не цивилизованный человек? – перебил председателя Шайтанов.

– Очень даже, – поспешил вставить старичок с красно-коричневым лицом.

Все это время онемевший диссертант сидел за спиной ветерана-председателя. Вся его уверенность, все умные взрослые слова, которые он до этого вполне уместно, как ему казалось, использовал в своем выступлении, вдруг вылетели из его головы и сердца.

Он уже не помнил точно, как председатель сумел одним движением своей неживой руки остановить оживший зал, как секретарь совета, похожий на внезапно разбуженного немолодого бобра, монотонным голосом огласил письменные отзывы ведущей организации, а также отзывы неофициальных оппонентов. Очнулся он лишь в середине речи второго оппонента, которому приходилось отдуваться за себя и за неявившегося по не очень уважительной причине первого оппонента. Речь его была бесцветна, и понять из нее хвалит он диссертацию или ругает, было решительно невозможно.

Председатель предоставил диссертанту слово для ответа на замечания оппонентов. Эта часть защиты была наименее сложной, поскольку по существующим правилам ответы на отзывы приготавливались заранее. Сначала аспирант прилежно пытался ответить на все замечания, но вскоре обнаружил, что его давно уже никто не слушает. Опытный председатель также заметил это и, подняв правую руку вверх, объявил начало финальной дискуссии.

– Почему в диссертации смешиваются понятия «мусульманское международное право» и «международное право»? – требовательно поинтересовался Шайтанов.

Диссертант уже открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

– А потому, что автор пытается нам доказать, что одно не исключает другого, – любезно отвечал за диссертанта старичок с красно-коричневым лицом.

– Но ведь это же...

– Вот именно!

– Хорошо, а что тогда имел в виду автор, когда писал о взаимопроникновении международного права и...

– Нет уж, позвольте, Борис Борисович.

– А вы, Марат Яковлевич, не правы, ой как не правы!

Диссертант уже с трудом понимал, о чем спорят эти деятели науки и что здесь делает он. Председатель молча наблюдал за происходившим, но вскоре не вынес одиночества и обратился к женщине-профессору, по-прежнему занимавшейся своими ногтями. Он многообещающе произнес что-то вроде: «Однако», или «Да уж!» В ответ женщина только покачала головой и устало улыбнулась председателю, что означало по видимому: «Да-да, мы-то с вами все это прекрасно понимаем».

Диссертант стоял за кафедрой и беспомощно глядел на членов совета. До него едва доносились некоторые реплики профессоров, особенно с дальнего конца стола. Слов профессора Шайтанова и вовсе нельзя было разобрать. Выходивший пару раз в ходе заседания профессор пришел в окончательную негодность, так что произносимые им слова не могли распознать даже сидевшие подле него друзья и коллеги.

Впрочем, один раз, когда диссертант очнулся на мгновение от своих раздумий, ему показалось, что Шайтанов отчетливо произносил слово «шахид», после чего образовалась пауза и все засмеялись – кто как мог. Даже председатель, страдавший от того, что не мог принять участие в дискуссии, изогнулся в коварной полуулыбке, после чего произнес: «Да уж!»

Прошло еще некоторое время, и члены совета окончательно позабыли о том, что они ранее обсуждали и перешли к воспоминаниям о своей молодости, ко временам, когда они сами защищались. Какие тогда были жесткие требования – не то что сейчас. Тогда просто так зеленым юнцом не сунешься. Подход был другой. Не было компьютеров, интернета, жизнь была тяжелая, а какие работы писали. На века!..

Старичок с красно-коричневым лицом даже вспомнил, как его избили в парадной хулиганы, порвали прямо у него на глазах единственный экземпляр его диссертации, а потом помочились на разбросанные ошметки. Пришлось печатать все заново, по черновикам.

Наконец, председатель посчитал необходимым закрыть дискуссию. Участливо поглядев на диссертанта, притихшего за его спиной, он уныло объявил заключительное слово, призвав выступающего быть кратким (ветеран вспомнил, что обещал помочь своей любимой, но, увы, не очень способной внучке вечером с математикой).

Диссертант неуверенно направился к низенькой кафедре с гербом СССР. В руках у него был текст его выступления, написанный и много раз до полного запоминания прочитанный им накануне. Однако то ли от волнения, то ли по какой-то другой причине, он отложил в сторону заготовленный текст и принялся говорить то, чего он сам и все, кто его хорошо знал, вряд ли могли ожидать от него менее суток назад.

Говорить об этом уверенно нам позволяет следующее обстоятельство. Когда впоследствии были раскрыты все сопутствовавшие защите бумаги, выяснилось, что текст выступления диссертанта на бумаге не имел ничего общего с его заключительной речью перед советом.

– Уважаемый диссертационный совет! Уважаемый председатель! – начал диссертант. – Большое спасибо за то, что вы активно участвовали в обсуждении моей работы. Поверьте, мне сейчас не так просто говорить. Наверное, будет правдой, если я скажу, что после сегодняшней защиты я чувствую себя совсем другим человеком. Не знаю, лучше я стал или хуже. Не мне судить. Но то, что я стал за эти два часа умнее, – можете не сомневаться. Умнее не от умных советов, которых я, к сожалению, сегодня здесь не услышал. Я стал умнее от того, что я здесь увидел. Вы мне тут задавали много вопросов. А у меня к вам всем всего один маленький вопросик: «Да что же я вам всем такого сделал, что вы на меня так набросились? Чем же я провинился перед вами, Марат Яковлевич? Или перед вами, Лука Андреевич? Почему вы назвали меня шахидом, как будто я и в самом деле кого-то убил? Если я кого и убил, так это себя самого, ежедневно уничтожая время своей молодости бесполезной работой над никому не нужной диссертацией. Только что я услышал от вас о себе очень печальные и неприятные вещи, но разве такие слова звучали два года назад, когда все вы дружно под аплодисменты утвердили диссертацию моего научного руководителя Ивана Ивановича Бажбанова. А знаете ли вы, кто написал эту работу? Не догадываетесь? Я же и написал. Если бы вы внимательно присмотрелись к моей диссертации, то увидели бы, что она – всего лишь сокращенный вариант работы Ивана Ивановича...

В зале задвигались стулья.

– Уважаемый диссертант! Говорите по существу, пожалуйста, – вмешался председатель, почувствовав, что запахло жареным.

Женщина-профессор оставила, наконец, в покое ногти и с тревогой смотрела то на председателя, то на диссертанта. Другие члены совета находились в еще большем замешательстве.

– Да что же он такое говорит! – вдруг закричал старичок с красно-коричневым лицом.

– Да, извините, я уже заканчиваю, – стараясь не смотреть на забурливший зал, отвечал аспирант. – Я просто хотел сказать вам, что вы уже присудили мне два года назад докторскую степень, и мне фиолетово, как вы проголосуете на этот раз. Спасибо...

В зале начался сущий переполох, как будто и в самом деле коварный шахид привел в действие свое взрывное устройство. Два профессора одновременно вскочили со своих мест, словно собираясь в тот же миг навалить зарвавшемуся диссертанту. Шайтанов, раскрасневшийся, тряс руками и брызгал слюной. Старичок с красно-коричневым лицом также что-то кричал. Даже женщина с зубочисткой в руках покраснела и, сопровождая свои слова непонятными диссертанту жестами, о чем-то говорила старику-председателю.

Сам же председатель, со значительным видом восседавший в начале стола, внимательно смотрел на своих коллег. За долгие годы председательствования в совете он впервые сталкивался с подобной ситуацией (а видел он многое: и слезы, и злость, и тоску, и безысходность). Но ему никогда ранее не доводилось видеть столь вызывающего поведения – тем более от человека, которого он знал как робкого бездарного студента, регулярно мешавшего ему вести семинары своим вечным насморком.

А насчет Ивана Ивановича – неужели, правда? Впрочем, вполне возможно. Слишком уж грамотная для его уровня работа. Вот это да! Вляпались! Теперь от ВАКа пощады не жди. И ведь как назло он тогда

был председателем совета. Ведь действительно пропустили. Без возражений! Сам ректор на защиту приходил. Господи! Врагу не пожелаешь. Что же теперь делать?..

Таким невеселым размышлениям предавался председатель совета в то время, как его коллеги ходили, кричали, жестикулировали, смеялись и доедали остававшиеся на столе фрукты.

Что же делать? Как что? Продолжать заседание. Скорее выбирать счетную комиссию. Это позволит официально попросить диссертанта покинуть зал на время голосования...

Когда же минут через десять из зала вышел секретарь совета, который был похож на бобра, выяснилось, что диссертант куда-то исчез. Но председатель – человек строгих порядков и старой закалки – ни в коем случае не намерен был отступить от «не нами», как он сам любил выражаться, придуманных правил и заявил, что результаты голосования будут объявлены и при отсутствии виновника переполоха.

– Наверное, перенервничал, – как бы в оправдание себе на случай, если опять выйдет конфуз, произнес председатель.

– Совесть замучила! – сказал старичок с красно-коричневым лицом.

– Председателя счетной комиссии прошу объявить результаты голосования, – невозмутимо продолжил председатель.

Председателем счетной комиссии был выбран старичок с красно-коричневым лицом. Торжественно выждав момент, он провел ладонью по своей плешивой голове и начал дребезжащим голосом:

– Уважаемый совет! В соответствии с решением совета был утвержден состав счетной комиссии в составе трех человек: председателя и двух членов. Председателем избран Хабутдинов Марат Яковлевич. Членами счетной комиссии Мухин Борис Борисович и Алексеев Михаил Михайлович.

На защите присутствовало пятнадцать человек из них докторов по специальности двое. Итого: действительных бюллетеней семнадцать. Недействительных бюллетеней нет... За – шесть человек, против – десять. Воздержавшихся – один...

Председатель счетной комиссии так спешил, что даже забыл объявить, как того требовали правила, название диссертации и фамилию ее автора. Председатель совета, утомленный происходившим, не заметил нарушения процедуры.

– Ни хрена себе! – воскликнул Шайтанов. – Десять «против». Обалдеть. Что же вы так, ребята? Жестко вы с пацаном... Я лично «за» голосовал. – Затем беспокойный профессор поднялся с места. Стул, служивший ему сиденьем, упал, но Шайтанов даже не взглянул в его сторону и, пошатываясь, направился к выходу.

Вслед за ним как по зову невидимой трубы поспешили покинуть свои места и другие члены совета.

– Уважаемые профессора! Там, в соседней аудитории, вас ждет банкет, – крикнул растерявшийся секретарь, похожий на бобра, вослед стремительно удалявшимся членам совета.

– Да какой тут банкет, – махнул рукой старичок с красно-коричневым лицом, а потом добавил: – А Лука Андреевич прав. Жалко все-таки парня. Вляпался, дурак! Я бы тоже «за» проголосовал, если бы не его выступление.

На банкет, кажется, и в самом деле никто не пошел, но точно ручаться за это нельзя. Кто-то из студентов видел, как часу в восьмом из аудитории, где несчастным диссертантом были неуклюже нарезаны бу-

терброды, выходил совершенно невменяемый Шайтанов или человек, очень похожий на очень пьяного Шайтанова.

Не лучше, впрочем, выглядел со стороны и наш диссертант, когда он, не помня себя, вышел на улицу. Весенний московский день каким-то незаметным образом сменил свою незрелую жару на ветер, бесцеремонно обнаруживавший себя на каждом шагу. На свою беду, диссертант был одет в расчете на жаркую погоду, и потому разгоряченное взволнованное тело его быстро стало добычей беспощадной прохлады.

До общежития он дошел уже совсем больным в девятом часу, когда студенты, закончив свой нехитрый ужин, только садились за домашнее задание, а по телевизору начиналась программа «Время», которую аспирант всегда смотрел, когда ужинал. Умиравший от нетерпения комментатор прокричал очередную новость из горячей точки: «В Ираке шахид привел в действие взрывной механизм. По последним данным, погибло пятнадцать человек и сам шахид»...

* * *

О смерти аспиранта стало известно случайно. Долгое время не объявлявшийся в общаге сосед несостоявшегося кандидата наук по имени Митя через два дня после описываемых событий сильно поругался со своей девушкой. Решив проявить характер, он вернулся из уютной московской квартиры в ненавистные ему казенные стены.

Поначалу, едва раскрыв дверь, Митя не придал значения сильному запаху, распространившемуся по комнате. Сосед его имел обыкновение питаться всякой гадостью, и потому к подобным запахам он привык. Митя несколько раз бил соседа за неряшливость. Тот плакал, но потом снова продолжал есть испорченные продукты.

«Слава богу, окно догадался открыть, мать его, – подумал он и грязно выругался в адрес развалившегося на кровати аспиранта. – Кстати, как там у него все прошло?»

– Эй, ау! – Митя окликнул лежавшего под толстым не по сезону одеялом соседа по имени, но тот не отозвался. Щелчок по голове также не подействовал. Только на третьей попытке разбудить аспиранта Митя уяснил, что перед ним самый настоящий труп...

Иван Иванович был одним из последних, кто узнал о кончине аспиранта. Однажды, вернувшись после очередной командировки, он, попивая на кафедре свой любимый чай для особых случаев вместе с бывшим студентом, а ныне аспирантом – низкорослым якутом из Белгорода, и обсуждая план его кандидатской диссертации, невзначай бросил секретарше: «Что-то мой горе-аспирант куда-то запропастился. Нагадил в душу и исчез. Отблагодарил за все хорошее! Надо бы позвонить. Поговорить по душам. Разущи-ка мне его телефончик...»

Секретарша, обычно всегда живо реагирующая на приказы своего беспокойного начальника, на этот раз проявила некоторую медлительность.

– Иван Иванович, – наконец произнесла она, ища глазами поддержки у белгородского аспиранта, – так ведь он... в некотором смысле... уже вроде как... не существует больше.

– Да-да, – с готовностью подтвердил аспирант из Белгорода. – Он однозначно уже неживой. Я сам некролог видел на «Центре».

Иван Иванович не знал, что в таких случаях следует говорить.

– Д-да, – наконец протянул не то с сожалением, не то с досадой Иван Иванович. – А что с ним случилось?

– То ли с сердцем что-то, то ли простудился, – подавив зевок, сообщил аспирант из Белгорода. – Туда ему и дорога, неча на хороших людей клеветать!

– Ну, ты, это, Паша... не надо так, – Иван Иванович покачал головой. – Человек умер все-таки. Да и не со зла это он. Завидовал мне страшно – это правда. Ну да кто теперь не без греха. Бог его и так наказал: вон сколько черных шаров накидали, – благодаря добрым людям Ивану Ивановичу до мелочей был известно все, что происходило на совете.

– Золотое у вас сердце, Иван Иванович, – поправляя прическу, ответил надменный аспирант из Белгорода.

Когда Паша ушел, Иван Иванович вновь вспомнил о несчастном «сифилитике». Ему живо вспомнился покойный, каким он увидел его впервые: с грязными черными волосами, в дешевой, давно не стиранной толстовке и брюках без стрелок, в ботинках со шнурками без металлических наконечников.

«Надо бы его родителям позвонить, успокоить», – подумал Иван Иванович, но очередной звонок начальства помешал этому доброму делу осуществиться.

Звонил ректор. Он приказал Ивану Ивановичу немедленно явиться к нему.

Опасения председателя-ветерана не были напрасны. Среди присутствовавших на защите профессоров оказались недоброжелатели Ивана Ивановича, которые взяли на заметку фразу о том, кто был настоящим автором докторской диссертации по правам ребенка в мусульманском праве. Ивану Ивановичу грозил вызов в ВАК на беседу с так называемым «черным оппонентом».

Ректор немного пожурил Ивана Иванович, но потом быстро оттаял и засмеялся, потому что больше всего на свете любил смеяться.

– Возьми все документы, включая диплом доктора наук, и ступай к ним, – приказал он Ивану Ивановичу. – И не ссы! Я что-нибудь придумаю!

Иван Иванович виновато улыбнулся и поцеловал руку своего руководителя.

Через несколько дней на кафедру прав ребенка и в самом деле пришло приглашение из ВАКа. К большому удивлению Ивана Ивановича, его «черный человек», как за глаза называли «черных оппонентов» в научном мире, оказался добрейшим существом. Он не только не задал ни одного «ненужного» вопроса, но еще и угостил Ивана Ивановича чаем с вкусными пирожками. Пирожки Иван Иванович любил. Особенно на пару с хорошим человеком. А хороших людей в его жизни попадалось немало. Разве что этот аспирант...

На прощание «черный оппонент» попросил передать сердечный привет ректору...

Счастливый Иван Иванович бодро выбежал на улицу. Первым делом набрал начальство. Потом аспиранта из Белгорода. Рассказывая в подробностях свою беседу с «черным оппонентом», Иван Иванович так увлекся, что не заметил, как забрел в какое-то знакомое место. Он оглянулся по сторонам.

– Где это я? – сказал сам себе Иван Иванович и только подумал об этом, как тотчас же почувствовал, как кто-то, находившийся позади него, ухватился за портфель, в котором находились все документы, предназначенные для беседы с «черным оппонентом», в том числе диплом доктора наук. Иван Иванович не считал себя трусливым чело-

веком и потому сразу же обернулся, намереваясь дать в морду обнаглевшему грабителю. Но рука его, нацеленная для удара, сама собой опустилась, как только он увидел нападавшего.

Перед ним стоял какой-то человек в грязной толстовке и мятых брюках. Иван Иванович немедленно узнал его. Это был... да, это был его бывший аспирант. Бледный и безмолвный, он крепко вцепился в портфель Ивана Ивановича.

– Ты это... чего... портфель-то отпусти, а?! – умоляюще пролепетал Иван Иванович.

К совершенному ужасу Ивана Ивановича, мертвец злорадно усмехнулся и со всей дури вlepил ему сочную пощечину. Вслед за тем последовали немилосердные удары в живот и в пах. Не выпуская из рук портфеля, Иван Иванович рухнул на колени.

– Отдавай то, что не принадлежит тебе по праву. Ну же! Получай, скотина, – с этими словами незнакомец огрел Ивана Ивановича чем-то тяжелым по голове...

Иван Иванович, как ему потом казалось, очень быстро пришел в себя, но, оглядевшись по сторонам, не увидел ни портфеля, ни грабителя.

«Может, глюк?» – подумал он, но тут же спохватился: в таком случае где же портфель?

Слава богу, мобильник не забрал. Иван Иванович набрал номер аспиранта из Белгорода.

– Бери машину и дуй ко мне. Со мной тут какая-то фигня происходит. Быстро!

– Куда ехать-то? – испугался Паша, принимавший в тот момент ванну у Ивана Ивановича дома.

– А хрен его знает...

Аспирант из Белгорода был единственным, кому Иван Иванович поведал о своем приключении с мертвым аспирантом. Поместив голову на Пашкину безволосую грудь, Иван Иванович всю ночь проплакал и наутро выглядел, откровенно говоря, прескверно. Пашка тоже не сомкнул глаз. Он ломал голову, как сказать Ивану Ивановичу, что у того половина волос на голове побелела.

Через несколько дней Иван Иванович после некоторых раздумий написал заявление в ВАК об утрате диплома. Он больше не чувствовал радости от того, что он Doktor Yuridicheskikh Nauk. Он даже стал тяготиться своей научной степенью, повисшей на нем наподобие оранжевой нитки, которая портила вид любой одежды, но от которой теперь уже ни за что нельзя было избавиться. Теперь Иван Иванович сообщал о том, что он доктор, только тем, кто его об этом спрашивал.

Окружающие заметили и некоторые другие перемены, случившиеся с Иваном Ивановичем. Секретарь кафедры не без удовольствия отметила, что ее начальник больше не кричит на нее и чаще стал употреблять слова «вы» и «пожалуйста», когда обращался к ней. Когда же Ивану Ивановичу звонило начальство, он смеялся, но делал это уже не так громко и заразительно, как прежде.